

Глава 17: Поход на гору Бинжэнь-шань

Янь Хуайлин оторопел, узнав, что загадочный Гуань Шэн — это и есть Еман-цзюнь.

Впрочем, стоило ему вспомнить, что Еман-цзюнь — автор «Тома Янхуа», как всё встало на свои места. Высокий уровень его мастерства перестал казаться загадкой. Просмотрев «Том Ваньлин», Янь Хуайлин уже мог примерно представить, под каким углом Пять медицинских светил составляли свои трактаты. Этот человек наверняка досконально изучил темперамент и особенности организма жителей Янхуа. Только так он мог анализировать техники и физическое состояние выходцев из самых разных школ и регионов, подбирая «лекарство» против каждого приёма.

Решение троицы покинуть Собрание золотых гвардейцев вызвало настоящий переполох. Смысл турнира заключался в поиске элиты боевого мира, и то, что эти трое, продемонстрировав сокрушительную мощь, совершенно не дорожили титулом чемпиона, заставляло окружающих лишь сокрушённо вздыхать.

Попрощавшись с новыми знакомыми — Ян Чунли и Мао Тяньцзи, — Янь Хуайлин и Цзан Е под пристальными взглядами толпы последовали за «Гуань Шэном».

Вернувшись в Байхэ-тан, они прошли через чёрный ход во внутренние покои. Янь Хуайлин, глядя на Еман-цзюня, который наконец снял нефритовую маску, не удержался от вопроса:

— Старший, почему вы выбрали себе имя Гуань Шэн?

Он хитро прищурился:

— Я лекарь, и моё дело — печься о жизни, то есть «гуань шэн». Я выбрал иероглиф «шэн», означающий свирель, но звучит он так же, как «жизнь». Вот и выходит — Гуань Шэн.

Янь Хуайлин и Цзан Е переглянулись и понимающе улынулись.

Еман-цзюнь долго и кропотливо копался в медицинских архивах, пока наконец не выудил «Том Янхуа» и не вручил его молодым людям.

— Хоть я и знаю, что вам сейчас нелегко, я всё же надеюсь: вы сделаете всё, чтобы этот трактат попал в руки достойного человека.

Цзан Е и Янь Хуайлин поклонились:

— Не беспокойтесь, старший.

— Слыхали ли вы когда-нибудь о мастере школы Лин по имени Фэн Шуцзюнь?

— Слыхали.

— Он мой старый друг. Недавно он заглянул в наши края. Я вижу в вас обоих искру таланта и хочу, чтобы вы навестили его. Это пойдёт на пользу вашему совершенствованию.

Янь Хуайлин и Цзан Е были приятно поражены таким доверием:

— Благодарим вас, старший!

— Сейчас он должен быть на горе Бинжэнь-шань, любитесь видами. Если отправитесь завтра, как раз его застанете.

Получив указания и ещё раз поблагодарив Еман-цзюня, они вернулись на постоянный двор. Собрание гвардейцев вымотало обоих настолько, что, оказавшись в комнате, они едва нашли силы на разговоры.

В номере была всего одна кровать. Янь Хуайлин вошёл и уселся за круглый стол, прихлёбывая чай. Цзан Е же устроился на стуле у ложа и принялся сосредоточенно протирать свои издававшие виды мечи Дракона и Феникса.

Наблюдая в неверном свете свечи за его движениями, Янь Хуайлин позвал:

— Господин Цзан.

Тот не ответил вслух, лишь поднял голову и вопросительно взглянул на спутника.

— Если однажды мы сойдёмся в бою в полную силу, кто из нас победит?

Цзан Е долго смотрел на Янь Хуайлина, затем вернулся к чистке меча Дракона, так ничего и не сказав.

— Господин Цзан?

— Этого дня не настанет, — негромко отозвался тот.

Янь Хуайлин замер, вскинув бровь:

— Отчего же? Вы считаете, что я недостоин честного поединка с вами?

Цзан Е продолжал натирать сталь до зеркального блеска.

Янь Хуайлин подождал ещё немного, затем лениво подпёр подбородок рукой:

— Похоже, вы меня совсем в грош не ставите.

— Победишь ты, — бросил Цзан Е, как бы невзначай вынимая из ножен меч Феникса.

Этот ответ был настолько неожиданным, что сонливость Янь Хуайлина как рукой сняло.

— Это ещё почему? — Он почувствовал, что в этих словах скрыт какой-то подтекст, и даже подался вперёд от любопытства.

Цзан Е замер, прекратив чистку, и наконец посмотрел на него:

— Потому что ты никогда не следуешь правилам. Вечно выкидываешь что-то непредсказуемое.

Улыбка застыла на губах Янь Хуайлина.

«И это всё? Он просто иронизирует над моими "уловками"?»

Видя, что суровый воин снова отвёл взгляд, Янь Хуайлин решил сменить тему.

— Кажется, сегодня нам придётся делить одну постель, — с весёлой искоркой в глазах он поднялся и подтащил табурет поближе к Цзан Е.

Раскрыв веер, он принялся рассматривать лицо собеседника с таким видом, словно перед ним была бесценная фарфоровая ваза. Цзан Е редко обращал внимание на чужие взгляды, но такое пристальное и наглое изучение заставило даже его почувствовать себя неловко.

Наконец он закрыл глаза и тяжело вздохнул:

— Что ты делаешь?

— Любуюсь тем, как вы чистите меч, — невинно ответил Янь Хуайлин.

— Меч у меня на лице?

Хихикнув, Янь Хуайлин продекламировал:

— Красота лица человеческого — сокровище бесконечное. Сидеть в свете свечи и не знать о собственной прелести — вот высшее проявление благородства.

Цзан Е промолчал, нахмурившись.

— Я лишь воздаю должное вашей стати, — продолжал Янь Хуайлин. — Разве это запрещено?

— Помнится, ты обещал больше не произносить вольных речей? — холодно заметил Цзан Е.

— Я говорю правду, при чём тут вольность? Когда человек хочет выслужиться или питает дурные намерения, его слова звучат фальшиво. Но моё сердце чисто, я искренен в каждом слове. Где же здесь дерзость?

Цзан Е одарил его на редкость серьёзным взглядом. Янь Хуайлин ответил лучезарной улыбкой.

Поизучав его лицо какое-то время, Цзан Е строго спросил:

— Скажи, молодой господин, не питаешь ли ты пристрастия к «отрезанному рукаву»?

Янь Хуайлин опешил и на миг лишился дара речи.

Он никогда не видел Цзан Е таким прямолинейным. Пытаясь вспомнить всех красавиц, в которых влюблялся, он признал: среди них действительно были мужчины, но их было меньшинство.

Решив ответить так же честно, Янь Хуайлин задумался:

— Я никогда не открывал сердца мужчине, не давал клятв верности и уж тем более не делил ни с кем ложе. — Он запнулся, припоминая кое-что. — Ах да, за исключением того поцелуя с вами, больше ничего и не было.

При упоминании этого случая лицо Цзан Е едва заметно изменилось. Он с резким щелчком убрал меч в ножны.

— Цзан не разделяет подобных склонностей. Надеюсь, впредь молодой господин будет блюсти себя.

Янь Хуайлина уже не в первый раз отвергали столь холодно, но сейчас он почувствовал странный укол в груди.

Спустя минуту он вновь нацепил привычную улыбку:

— С такой чопорностью вам будет непросто найти жену.

— Я поклялся служить лингуаням, — твёрдо отрезал Цзан Е. — И останусь неженатым до конца своих дней.

В его голосе звучала такая непреклонная решимость, что у Янь Хуайлина разом пропало всякое желание шутить или как-то разрядить атмосферу. Пропало бесследно.

Он молча смотрел на сурового Цзан Е, хотел что-то сказать, но передумал и лишь невесело усмехнулся, опуская глаза. Даже веер в руках вдруг показался неподъёмным. Янь Хуайлин спрятал его за пазуху и, не в силах больше выносить воцарившееся тяжёлое молчание, взглянул на единственную кровать.

— Где вы планируете почивать этой ночью?

— Спи на кровати, — сказал Цзан Е.

— А вы?

— Не беспокойся, я устроюсь.

Янь Хуайлин понял: после этого разговора о совместном сне на мягких перинах можно и не мечтать. Зная упрямый характер этого человека, он не стал спорить — только зря разозлит.

Притворившись, что ему всё равно, он забрался на кровать, снял верхнюю одежду и, оставшись в нижнем платье, поправил одеяло. Цзан Е тем временем отвернулся к столу, даже не глядя в его сторону. Усевшись поудобнее, он развернул «Том Янхуа» и погрузился в чтение.

— Вы правда не ляжете? — Янь Хуайлин сделал последнюю попытку смягчить обстановку. — Я мог бы сначала согреть вам постель, а если среди ночи станет неважно, то вы...

Договорить он не успел. Цзан Е вскинул голову и так укоризненно посмотрел на него, что Янь Хуайлин тут же прикусил язык. Он плотно сжал губы, изображая полное послушание, и, вытянувшись в струнку, медленно сполз под одеяло.

Цзан Е тихо вздохнул, покачал головой и снова уткнулся в свиток.

Хотя Янь Хуайлин закрыл глаза, он то и слышал шорох переворачиваемых страниц. Сон не шёл. Он лежал, притворяясь спящим, пока Цзан Е не задул свечу.

Услышав тихие шаги по направлению к кровати, Янь Хуайлин невольно затаил дыхание, сердце

его забилося чаще. Но мужчина лишь бесшумно опустился на пол рядом с ложем и замер.

За окном звенели цикады. Янь Хуайлин долго лежал неподвижно, но Цзан Е так и не поднялся на постель. Наконец, не выдержав, он осторожно повернулся и приоткрыл глаз.

В темноте Цзан Е сидел на полу, скрестив ноги и прижимая к себе мечи. Он прислонился спиной к краю кровати и спал, уронив голову на грудь.

Янь Хуайлин долго всматривался в его затылок, чувствуя, как в душе поднимается неодолимый порыв. Он медленно протянул руку, желая коснуться тёмных волос, но на полпути замер. Он знал: Цзан Е настолько чуток, что почувствует движение прежде, чем пальцы коснутся его кожи. Пришлось оставить руку в воздухе, едва заметно, одними кончиками пальцев очерчивая в пустоте силуэт спящего воина.

Он словно касался этих чёрных прядей, широких плеч, крепкой спины...

«Скажи, молодой господин, не питаешь ли ты пристрастия к "отрезанному рукаву"?»

«Цзан не разделяет подобных склонностей. Надеюсь, впредь молодой господин будет блюсти себя».

Пальцы дрогнули. Янь Хуайлин погрузился в тяжёлое раздумье.

Лишь спустя долгое время он нехотя убрал руку. Ещё немного полюбовавшись спиной Цзан Е, он посмотрел на собственные пальцы. В голове его царил кавардак.

Чего он на самом деле хотел от этого человека?

Утешения? От Цзан Е? Это было бы смешно. Тот всегда говорил то, что думал, и если бы он вдруг ответил взаимностью, Янь Хуайлин, пожалуй, сам бы не знал, что с этим делать.

И всё же...

Он горько усмехнулся про себя, признавая очевидное: ему безумно хотелось увидеть, как этот стальной человек теряет самообладание из-за кого-то... как он становится безумным и растерянным.

С этими мыслями, вспоминая строгое и сосредоточенное лицо Цзан Е, Янь Хуайлин наконец провалился в сон.

На следующее утро, собрав вещи, они отправились на запад от города Цяньу, к горе Бинжэньшань.

Спустя полдня пути на горизонте показались очертания пика, чья вершина пряталась в густых облаках. Янь Хуайлин, ехавший рядом с Цзан Е, полушутливо спросил:

— Господин Цзан, доводилось ли вам слышать легенды об этой горе?

— Нет.

Янь Хуайлин лениво обмахнулся веером:

— Поговаривают, будто выше середины склона там царит вечная ночь, а ниже — вечный день. В тех землях вечного мрака собираются неприкаянные души, и ни один смертный не смеет туда приближаться.

Цзан Е с каменным лицом правил конем, слушая, как Янь Хуайлин вдохновенно плетёт небылицы.

— А ещё говорят, внутри горы есть озеро, скованное льдом, который никогда не тает.

— И где же вы набрались этих нелепых сказок?

— А вы не верите? — Янь Хуайлин прищурился, безмятежно глядя в чистое небо.

— Не верю, — отрезал Цзан Е, не желая подыгрывать.

— Тогда, быть может, рискнёте заключить со мной пари?

Цзан Е покосился на него, гадая, какую ещё каверзу задумал этот пройдоха.

— И на что же мы будем спорить?

— Если выиграете вы — я целый месяц буду у вас на побегушках. Если же выиграю я — вы исполните одно моё желание.

Цзан Е показалось это знакомым. Он вспомнил, как этот наглец напрашивался на поединок с завязанными глазами, предлагая нечто подобное. Он не ответил, лишь пристальнее всмотрелся в гору: воздух у пика и впрямь казался странным.

Наконец он сдался:

— На что спорим?

— На то, что всё сказанное мною — чистая правда.

Уверенный вид Янь Хуайлина заставил Цзан Е на миг засомневаться.

— Что такое, господин Цзан? Неужто боитесь проиграть?

— По рукам, — бросил Цзан Е.

Этот повеса хоть и был полон пустых затей, но редко говорил совсем уж без повода. Да и в груди самого Цзан Е, вопреки рассудку, шевельнулось любопытство.

Меньше чем через час они достигли подножия. Вид горы был причудливым: от основания до середины склоны поросли чахлым кустарником и сухими лианами. Повсюду высились голые скалы, пейзаж казался суровым и унылым.

Они ехали по узкой тропе, и у обоих возникло странное чувство, будто они вернулись на гору Юэци-шань. Однако вскоре начались чудеса: стоило им миновать середину склона, как на землю пали густые сумерки, переходящие в непроглядную тьму. Деревья здесь, вопреки логике, стали огромными и пышными. В этой тенистой глуши распускались цветы, лепестки которых светились изнутри, но стоило подойти ближе, как они принимали самый обычный вид.

Зрелище было сказочным, чарующим.

Цзан Е придержал коня, глядя на мерцающие под копытами бутоны. Он погрузился в раздумья. Обычно растения, лишённые солнечного света, хиреют и гибнут. Здесь же всё было наоборот: в царстве вечной ночи лес буйствовал жизнью и зеленью.

Янь Хуайлин явно думал о том же, но первым делом решил напомнить о пари:

— Господин Цзан, я ведь говорил, что здесь полгоры в свете, а полгоры во тьме. Разве я солгал?

Цзан Е промолчал — крыть было нечем.

— Вы признаёте поражение?

— Вы ещё упоминали призраков, — парировал Цзан Е. — Если встретим хоть одного, тогда и признаю.

Янь Хуайлин лишь легко улыбнулся. Упрямец.

Одного взгляда на этот лес было достаточно, чтобы понять: всё здесь возвращено не природой, а человеческой волей. И если здесь нет выходцев из преисподней, то «призраки» в человеческом обличье найдутся непременно.

Незаметно они сбавили шаг и вскоре выехали к озеру на самой вершине. В вечной тьме вода светилась призрачным голубым светом, а на дальнем конце водоёма застыл исполинский ледяной водопад. Величие этого места захватывало дух.

Янь Хуайлин спешился и подошёл к кромке воды. Озеро действительно было сковано льдом. Сквозь прозрачную толщу виднелись диковинные цветы, заливавшие всё вокруг сиянием.

Цзан Е тоже сошёл на землю. Он замер у берега, не в силах отвести глаз.

— Господин Цзан, я снова оказался прав, — торжествующе произнёс Янь Хуайлин. — Озеро на горе и впрямь ледяное.

Цзан Е не отвечал. Свет подо льдом заволаживал; казалось, эта ледяная корка разделяет мир живых и мир мёртвых. Янь Хуайлин тем временем осторожно ступил на лёд, проверяя его на прочность.

— Господин Янь! — Цзан Е невольно предостерёг его, опасаясь, что тот провалится.

— Всё в порядке.

Присмотревшись сквозь ледяное зеркало, Янь Хуайлин разглядел на дне пучки светящихся трав.

— Если старший Фэн действительно пришёл сюда отдохнуть, я его понимаю. Зрелище невероятное. Жаль только, людей совсем нет...

Не успел он договорить, как лица обоих внезапно изменились. Спустя мгновение Янь Хуайлин бросил взгляд на Цзан Е — тот уже стоял, напряжённый и сосредоточенный.

— Сколько? — шепнул он.

— Пятеро.

— Я так и думал. С самого начала чувствую, как холодом в спину веет.

Янь Хуайлин лениво повёл плечами и, сложив веер, обернулся к чёрному лесу. Цзан Е уже положил ладони на рукояти мечей.

— Хм, а вы и впрямь проницательны. Моё почтение.

Из лесной чащи неспешным шагом вышел мужчина в тёмно-рыжих одеждах. На лице его играла мягкая, почти ласковая улыбка.

— Кто ты такой? — спросил Янь Хуайлин, изучая незнакомца.

— До меня дошли слухи, что лингуани Тайянь и Ваньлин разослали людей на поиски медицинских трактатов. И что исполнители этого тайного поручения останутся в городе Цянью.

Цзан Е молча смотрел на него, и лицо его становилось всё мрачнее.

— Выследить вас было непросто, — продолжал мужчина в рыжих одеждах. — Но, к счастью, у меня есть свои связи. Я проделал долгий путь, и, кажется, не зря.

Теперь у Янь Хуайлина и Цзан Е не осталось сомнений в целях пришельца. Предстоял бой за свитки, но силы были не равны: после турнира гвардейцев они ещё не успели полностью восстановиться. Если против них вышли мастера, битва обещала быть тяжёлой.

Янь Хуайлин отступил на шаг, встав плечом к плечу с Цзан Е, чтобы враги не могли атаковать их поодиночке.

Рыжебородый, заметив их боевой настрой, усмехнулся:

— Вы знатно отличились на турнире. О ваших подвигах уже всюду судачит весь боевой мир.

— Кто ты, чёрт возьми, такой? — Янь Хуайлину надоела эта болтовня. — Если пришёл за свитками, брось свои изысканные речи.

— Похоже, вы совсем ничего не знаете об этой горе, — вздохнул незнакомец. — Меня зовут Ци Мэн, и я пришёл дать вам добрый совет. В честном бою я, пожалуй, признал бы поражение. Но эта гора не зря зовётся Бинжэнь-шань. Местный холод подтачивает внутренние силы и ранит кровь не хуже меча. Любому мастеру стоит опасаться её «природной мощи».

— Природной? — подал голос Цзан Е. — Эти светящиеся цветы подо льдом явно посажены человеческой рукой.

— О, у господина Цзана зоркий глаз! — Ци Мэн отвесил шутливый поклон. — Это и впрямь «иноземные ледяные орхидеи», которые взрастил мой учитель.

Янь Хуайлин нахмурился. О горе Ледяного Клинка он слышал ещё в школе Дун Хуана. Это было место, созданное искусственно: здесь обычные боевые искусства были почти бесполезны, так как холод блокировал течение истинной ци. Практикующие здесь мастера были вынуждены полагаться исключительно на духовные техники и заклинания.

— Кто твой учитель? — спросил Цзан Е.

— Шангуань Ци из Янхуа.

Янь Хуайлин и Цзан Е замерли. В глазах Цзан Е вспыхнула неприкрытая жажда крови. Глава школы Шангуань Ци когда-то объединился с Дун Хуаном, чтобы вырезать клан Цзан. Разве мог Цзан Е остаться безучастным?

Его аура стала почти осязаемой. Ци Мэн, поняв, что время переговоров вышло, хлопнул в ладоши. Из леса мгновенно выскочили четверо стремительных теней в чёрном.

— О техниках нашей школы вы наверняка слышали. Здесь, на горе, вам не победить привычными приёмами, — проговорил Ци Мэн. — Отдайте трактаты, и я, так и быть, сохраню вам жизни.

Не успел он закончить, как Цзан Е сорвался с места. Его меч взлетел для удара «Хусяо Лунъинь», направленного прямо в сердце Ци Мэна. Но сталь лишь рассекла воздух — без поддержки внутренней энергии привычный призрачный силуэт лазурного дракона даже не шелохнулся.

Видя, как Цзан Е застыл в замешательстве, Ци Мэн расхохотался:

— Ха-ха-ха! Неужели великий герой Цзан решил испытать судьбу?

С этими словами он сложил пальцы в заклятии. В тот же миг на ледяной глади озера вспыхнули «Хуошу Цихуа», стремительно разрастаясь в сторону героев.

Янь Хуайлин применил технику «Ело Ушэн» и метнул дротики «Яньюй-бяо», но, как и предупреждал враг, без истинной ци снаряды потеряли всякую силу и посыпались на лёд, не долетев до цели.

— Ха-ха-ха! — Ци Мэн забавлялся вовсю, обрушивая на них «Гуйянь-шу».

Лёд озера не тушил это пламя, а лишь помогал ему разгораться сильнее. Друзья попытались

прорваться к лесу, но четверо приспешников в чёрном перекрыли им путь техникой «Хуолянь». Стена пламени в несколько человеческих ростов отрезала дорогу к спасению, заставляя их вернуться на середину озера.

— Говорят, вы не чужды искусству заклинаний? — Ладони Ци Мэна светились багровым огнём.
— Что же вы сегодня прячетесь, как перепуганные черепахи?

Цзан Е и Янь Хуайлин встали спина к спине. Цзан Е закрыл глаза и начал шептать заклинание. Внезапно чёрное небо прорезали белые искры, и на озеро повалили огромные хлопья снега. Техника «Ваньсюэ Пяо» вступила в противоборство с яростными языками пламени.

— «Ваньсюэ Пяо»? — Ци Мэн одобрительно кивнул. — Господин Цзан и впрямь мастер на все руки. Похвально!

С этими словами он нацелился в спину Цзан Е, где стоял Янь Хуайлин, и нанёс удар заклятием «Лиэхэ Чжосинь». Янь Хуайлин почувствовал, как жар охватывает его одежды, но не отступил — он рванулся вперёд, отвечая врагу тем же заклятием.

Ци Мэн легко уклонился, взмыв в воздух. Цзан Е, заметив, что Янь Хуайлин ранен, резким движением направил снежный вихрь на его одежды, сбивая призрачный огонь.

Пока снежная буря ещё не набрала полную силу, четверо подручных Ци Мэна начали осыпать героев огненными шарами. Цзан Е и Янь Хуайлин метались по льду, едва успевая уворачиваться. Пламя, вместо того чтобы гаснуть на холоде, лишь яростнее лизало лёд.

Цзан Е уже готов был применить Цяньли Бинфэн, но вдруг на вершине застывшего водопада мелькнула тень. Аура этого человека была настолько слабой, что заметил её лишь Цзан Е, обладавший обострённым чутьём к магии.

Он невольно обернулся, на мгновение открывшись для атаки. Ци Мэн не упустил шанса. Смертоносное «Лиэхэ Чжосинь» устремилось прямо в лицо Цзан Е.

Воин осознал опасность слишком поздно. Но в тот же миг он услышал резкий вскрик. Янь Хуайлин, не раздумывая, метнулся вперёд, закрывая его своим телом.

Удар пришёлся Янь Хуайлину прямо в грудь. Цзан Е, похолодев от ужаса, подхватил его одной рукой, прижимая к себе, и немедленно вызвал Ваньсюэ Пяо, чтобы погасить огонь на его теле.

Ци Мэн, видя, что враги деморализованы, подал знак своим людям покончить с ними. Четверо в чёрном уже взлетели для последнего удара, но в воздухе что-то произошло — они словно натолкнулись на невидимую преграду и с костяным хрустом рухнули обратно на лёд.

Цзан Е, всё ещё сжимая раненого Янь Хуайлина, поднял голову к водопаду. В его душе росло

тяжёлое предчувствие.

<http://bllate.org/book/17493/1711994>